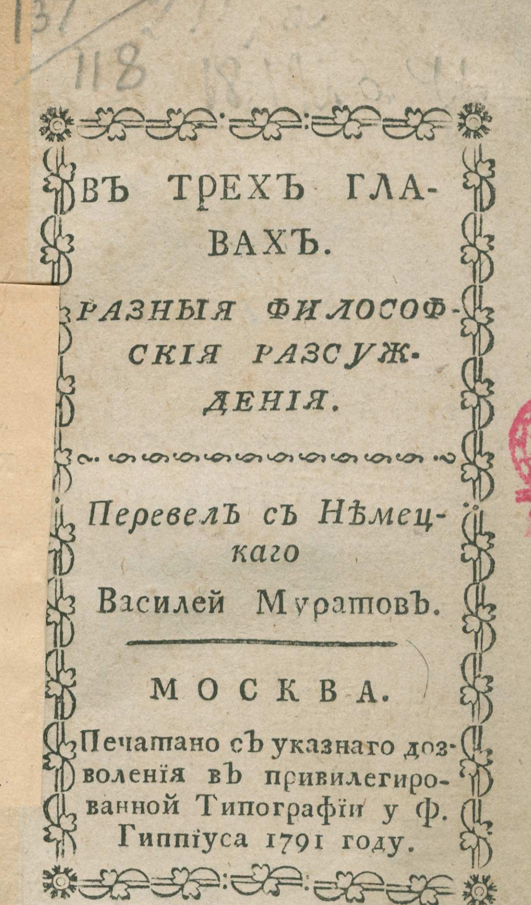

ВЪ ТРЕХЪ ГЛА-
ВАХЪ.

оду.

ВЪ ТРЕХЪ ГЛАВАХЪ.

РАЗНЫЯ ФИЛОСОФСКІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ.

Перевелъ съ Нѣмецкаго
Василей Муратовъ.

МОСКВА.
Печатано съ указнаго дозволенія въ привилегированной Типографіи у Ф. Гиппіуса 1791 году.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ГОСПОДИНУ

Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Святѣйшаго Правительствующаго Синода

ОБЕРЪ-ПРОКУРОРУ,

Гимназіи чужестранныхъ единовѣрцовъ

ДИРЕКТОРУ,

Ордена Св. Станислава КАВАЛЕРУ,

АЛЕКСѢЮ ИВАНОВИЧЮ МУСИНУ-ПУШКИНУ,

Милостивому Государю.

Превосходительнѣйшiй
Господинъ,

Милостивый Государь!

Врожденная склонность Вашего Превосходительства къ наукамъ и отмѣнное благоволенiе къ упражняющимся въ оныхъ, притомъ и особливыя милости, коими угодно было Вамъ, Милостивый Государь, взыскать меня, произвели во мнѣ смѣлость, въ знакъ глубочайшаго моего почтенiя

чтенїя и признательнѣйшїя благодарности, посвятить имени Вашему сей хотя маловажный трудъ переводу моего, который много награжденъ будетъ, когда Ваше Превосходительство удостоитъ изволите благосклоннаго прїятїя, малое сїе но усерднѣйшее приношенїе, а тѣмъ самымъ ощастливите и наиболѣе возбудите къ наукамъ охоту въ

томъ,

томъ, который за щастїе почитаетъ во всю жизнь свою, съ глубочайшимъ къ особѣ Вашего Превосходительства почтенїемъ и преданностїю быть и именоваться,

Вашего Превосходительства

Милостиваго Государя,

всепокорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою,

Василей Муратовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛА-

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О

Неравенствѣ Людей.

ГЛА-

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О

Вольности.

§ 1. *О вольности у Греков и Римлянъ.*

§ 2. *О понятіи истинной вольности.*

§ 3. *Вольность раждаетъ любовь къ отечеству.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Философическія догадки о состояніи первыхъ людей послѣ потопа.

§ I.

Мнѣнія Платоновы о сей матеріи.

Платонъ въ философическихъ своихъ сочиненіяхъ доходитъ до самыхъ первыхъ временъ. Того ради по-

посмотримъ, что премудрѣйшїй изъ просвѣщеннѣйшаго народа сказалъ о томъ.

Теперешнее состоянїе общества, говоритъ сей Философъ, (*) учрежденїе земель и законовъ, происходитъ изъ отдаленнѣйшихъ временъ, и отъ древнѣйшихъ перемѣнъ въ государствахъ. — — Есть преданїе, что давно уже произошло великое опусто-

(*) Въ десятой книгѣ о законахъ.

стошенїе, причиненное наводненїемъ и другими всеобщими печальными приключенїями, отъ коего спаслось только не много людей. Спасшїеся жили на горахъ, на подобїе пастуховъ.—Легко можно вообразить себѣ, говоритъ онъ далѣе, что сїи люди сохранили свѣдѣнїе о нѣкоторыхъ полезныхъ искуствахъ и древнихъ обычаяхъ. Но они забыли любостяжанїе и ссоры, обыкновенныя изъ того слѣд-

слѣдствїя. Такъ же полагать можно, что по совершенномъ раззоренїи городовъ сими опустошенїями, большая часть изобрѣтенїй погребена была съ ними подъ водою, и что много потребно было времени къ ихъ возобновленїю; что сїе по видимому продолжалось весьма долгое время, по елику наши знанїя столько новы еще.— Они какъ будто бы начались отъ вчерашняго дня; и чтобъ оныя возстановить, то

то не менѣе потребно было, какъ тысящелѣтія. Сіи наводненія повредили плодородіе земли, они перемѣнили и испортили натуру и роды тварей, и оставили людямъ весьма не много для пропитанія.

Отъ сей перемѣны должно производить нынѣшнее состояніе людей; въ ней должно искать начала и происхожденія нашихъ обществъ, нашихъ гражданскихъ, нравственныхъ и политическихъ законовъ,

и зримаго нами особеннаго смѣшенія добра и зла, добродѣтели и пороковъ. Къ приведенію всего въ нынѣшнее состояніе, потребно было много времени, — сїе учинилось не примѣтно. Человѣки оставались многія столѣтія на высочайшихъ горахъ. Воспоминаніе прошедшаго и страхъ, не позволяли имъ отважиться сойти въ долины, и еще меньше въ нихъ поселиться. Число людей было столь мало,

что

что они всегда другЪ друга поздравляли и обнимались, когда между собою встрѢчались. Но они не часто вкушали сїе удовольствїе, понеже имЪ недоставало смѢлости и средствЪ, переходить чрезЪ долины, болота и воды, коими они между собою отдѢлены были. Искуства и искусники были потеряны, и людей было сЪ лишкомЪ мало, и они сЪ лишкомЪ занимались своимЪ нещастїемЪ и угнѢтающими

щими нуждами, чтобЪ вЪ состоянiи быть вдругЪ открыть сЪ нова и возстановить сiи искуства. Сiе печальное состоянiе продолжалось многiе вѢки. СЪ другой стороны имѢли они ту выгоду, что не знали ни распрей, ни войны. Причина сему довольно явствуетЪ. Земля была не иное что, какЪ пустыня. Малая кучка ея обитателей питали другЪ кЪ другу нѢжную привязанность. БезЪ богатства, безЪ золота

лота и серебра, были они только обладатели нѣскольких животных, и скудельных сосудов, однакож бѣдны не были. Поелику они довольствовались только самыми необходимыми вещами, то честолюбіе не имѣло у них мѣста. Состояніе, в которое натура привела их, учинилось источником добрых и честных нравов их, умѣренной их жизни, тихаго и миролюбиваго их характера.

Первые человѣки были весьма послушливы; они слѣдовали совѣту своихъ учителей съ великою точностію, и во всемъ повиновались и вѣрили имъ.— Столь далеко простиралось ихъ послушаніе! Понеже они вѣрили всему тому, что имъ говорили о Богѣ и о человѣкѣ, то и учреждали они всѣ дѣйствія своей жизни на сихъ основаніяхъ. Коротко сказать, ежели они не имѣли столько знанія и удобностей,

стей, сколько люди прежде сего наводненія: то однакожъ имѣли они предъ ними то преимущество, что были честнѣе въ своихъ нравахъ, лучшіе друзья добра и добродѣтели, умѣреннѣе, благоразумнѣе и правдивѣе. Основаніе сему содержалось въ ихъ состояніи.——

Въ семъ состояніи не имѣли они ни законодателей, ни письменныхъ законовъ. Они слѣдовали отъ рода въ родъ своей совѣ-

сти и происхожденїю, и подражали старшимъ. Каждой отецъ, или каждой старой человѣкъ былъ Король своей фамилїи. — Жена его и дѣти были его подданные. Многїе дикїе народы имѣютъ еще сїе обыкновенїе; и по сказанїю Гомерову, древнїе обитатели Сицилїи жили такимъ же образомъ. У сихъ Сицилїянъ не бывало публичныхъ собранїй, къ произвожденїю суда, или совѣтовъ. Они жили уединенно въ пещерахъ, или

на

на горахъ. — Каждая фамилїя составляла особливое общество, а о всеобщихъ обществахъ еще не помышляли. Сей образъ правленїя былъ въ самомъ дѣлѣ наилучшїй и естественнѣйшїй для человѣковъ, разсѣянныхъ великими перемѣнами въ натурѣ, и малымъ числомъ ограниченныхъ. Не можно было здѣлать лучшаго учрежденїя, какъ слѣдовать старику, или своему отцу, или своей матери,

 какъ

какъ то дѣлаютъ молодыя птицы. Послѣ какъ многія изъ сихъ фамилій соединились въ общество и къ общему спомоществованію въ земледѣліи: то построенъ былъ первой городъ при подошвѣ горы, чтобы въ случаѣ нещастія имѣть въ близости себѣ прибѣжище. Оной составленъ былъ только изъ плетней, и не столько въ защищеніе отъ человѣковъ, сколько отъ дикихъ звѣрей. Согласіе царствовало

ло между ими еще столь совершенно, что они не имѣли другихъ законовъ, кромѣ обычаевъ; других начальниковъ, кромѣ стариковъ своихъ и знающихъ, какимъ образомъ передъ тѣмъ Божество было почитаемо и добродѣтель производилась въ дѣйство. Уже по долгомъ времени, когда люди перестали управлять собою по законамъ собственнаго своего разума, приняли другїе законы, и древнїе съ новыми

ми составлены и введены были. — Уже по долгомъ времени выбраны были начальники, для сохраненія и защищенія оныхъ.

Платонъ восходитъ опять на горы, и разсматриваетъ оттуда хижины и убѣжища человѣческаго рода. Онъ упоминаетъ при томъ о разныхъ древнихъ извѣстіяхъ, по коимъ онъ разсматриваетъ человѣческій родъ въ трехъ разныхъ положеніяхъ: *во первыхъ*

на вершинахЪ горЪ, *во вторыхЪ*, при подошвѢ оныхЪ, и вЪ *третьихЪ* вЪ долинахЪ. Ничто не кажется ему вѢроятнѢе, ни что сЪ натурою сходнѢе, какЪ сіи сказанія. Надлежитъ признаться, что методЪ сего великаго мужа есть впрочемЪ философической. ОнЪ дѢлаетЪ себѢ сперва начертаніе о томЪ, что люди должны были бы учинить по натуральнымЪ своимЪ понятіямЪ, послѢ какЪ перенесли свое нещастіе,

стїе, и сравниваетъ потомъ сїе начертанїе съ древними извѣстїями. Симъ образомъ нашелъ онъ единый путь къ истиннѣ, и показываетъ его желающимъ ему послѣдовать.

§ 2.

О дѣйствїяхъ первыхъ солнечныхъ лучей на смягченную наводненїями землю.

Поверхность земли высушилась безъ сомнѣнїя уже по долгомъ времени со-

совершенно, хотя вода въ великомъ количествѣ стекала. Туманы подымавшіеся изъ влажныхъ мѣстъ, коихъ на землѣ еще довольно было, продолжали влажность и препятствовали солнцу появиться на горизонтѣ. Но напослѣдокъ разсѣялись сіи туманы и густые пары.—Облака раздѣлились:—и отверзли проходъ лучамъ свѣта. Потомъ появилось солнце и стало согрѣвать землю по прежнему. Вся натура

ра

ра казалась возраждающеюся и получающею новыя силы. Сколь великой надлежало быть радости и удивленію человѣковъ, имѣвшихъ дотолѣ слабое только сіяніе свѣта — когда они опять узрѣли блестящее свѣтило, казавшееся на всегда для нихъ погасшимъ! Въ ясности, небомъ съ нова полученной, сіялъ ночью опять тихій свѣтъ, истекающій къ намъ отъ луны, и множество звѣздъ сверкало на небо.

небо. Облака едва были совсѣмъ или отчасти разсѣяны, какъ уже всѣ оцѣпенѣвшія существа, пережившія всеобщія нещастія, ощутили себя вновь ожившими. Водныя жители, не оставляя своей стихіи, участвовали однакожъ во всеобщемъ злоключеніи. Часть оныхъ истреблена была сильнымъ волненіемъ, а другая погибла въ тинѣ, или погребена была въ пескѣ и грязи. Когда они почувство-

вали теплоту солнца и возвращенное своей стихїи спокойствїе, тогда ощутили они впервые и благодѣянїя возобновленной натуры. Въ отягченныхъ земными развалинами волнахъ находили рыбы не искавъ свою пищу. Сїе благодѣянїе еще долгое время первыми родами прочихъ животныхъ не было чувствуемо. Обитатели воздуха явили тогда вновь свое присутствїе. Когда воздухъ прочистился, тогда

гда они могли опять искать себѣ пищи, и при воззрѣнїи на вседневное свѣтило начинали опять свое пѣнїе. И такъ вода и воздухъ прежде всего вновь населены были. Первая имѣла пищу въ изобилїи, а второй имѣлъ легкой проходъ. —

Но земля и животныя, ее населявшїя, находились совсѣмъ въ другомъ состоянїи: ибо она была еще покрыта пескомъ, грязью и иломъ. Ей должно

 но

но было совсѣмъ высохнуть, чтобъ оставшїяся животныя могли распространиться. Они обитали сначала на утесахъ и на вершинахъ безплодныхъ горъ, и должны были питаться всякими произведенїями земли, рѣкъ и моря, выброшенными волною; питались вырванными кореньями и растѣнїями, рыбами и звѣрями, часто уже сгнившими. Особливо прїятны имъ были такїя мѣста, гдѣ солнечный

жаръ

жаръ могъ опять ихъ согрѣвать и чрезъ то укрѣплять ослабѣвшія ихъ силы. Почти всѣ земныя животныя, ходящія или пресмыкающіяся, обрѣли себѣ погибель. Однакожъ многія деревья и растѣнія могли противустоять движенію воды. Жестокія теченія легко все то опровергли, что не было прикрѣплено къ землѣ. Вѣроятно, что ничего неосталось, кромѣ по случаю выброшеннаго на нѣкоторыя

возвышенія. Такъ же полагать должно, что земля прежде украсилась лѣсами и зелеными растѣніями, нежели животными, кои непримѣтно вновь населили ужасныя оныя пустыни.

Легко можно здѣлать себѣ изображеніе о людяхъ спасшихся отъ нещастія, угрожавшаго всей натурѣ. Разумъ говоритъ намъ, что горы были первымъ ихъ жилищемъ; всѣ изустныя преда-

данія и обыкновенія сіе доказываютъ. У всѣхъ народовъ сохранилось о томъ воспоминаніе, и многіе имѣли даже особенную признательность къ первымъ убѣжищамъ отцовъ своихъ, продолжающуюся даже до сего дня, и изъявляемую странствіями и нѣкоторымъ родомъ благоговѣнія, во многихъ земляхъ примѣчаемымъ. Надлежало бы не знать избѣгнувшаго отъ злощастія человѣка, естьли бы

сомнѣваться, что онъ въ сїе плачевное время и въ послѣдующїе за тѣмъ годы, былъ къ подобнымъ себѣ весьма снисходителенъ, и къ Богу весьма усерденъ. Нещастїе дѣлаетъ сердца кроткими, а страхъ производитъ послушанїе. Такимъ образомъ нещастїе и страхъ у первыхъ семействъ занимали мѣсто законодателей и священниковъ. Они возводили взоръ свой на небо и на своихъ ближнихъ.

нихъ. Таковы были первыя, и можно сказать, щасшливыя дѣйствія злополучія земли на человѣческое сердце. Они принудили первыхъ человѣковъ соединиться въ общество. — Лишенные всего, приведенные въ бѣдность претерпѣннымъ нещастіемъ, — увидѣли они себя принужденными жить вмѣстѣ, и съ ненарушимою вѣрностію сохранять между собою соединеніе. Они должны были употреблять

всѣ свои силы, чтобы другъ другу помогать и утѣшать другъ друга. Одинъ чувствовалъ, что имѣетъ нужду въ помощи другаго. Душа его учинилась кроткимъ, дружелюбнымъ существомъ, и сïе дѣйствïе произходить можетъ только отъ нещастïя. Сïи чувствïя заглушены въ насъ.—Но вѣки, въ кои нещастïе угнѣтало человѣковъ, были такïе, въ коихъ царствовало человѣколюбïе и чистосерде-

дечїе. Люди жившїе въ первыя времена, отличались вездѣ кротостїю своихъ нравовъ. Мы усматриваемъ въ нихъ не иное что, какъ братское согласїе, добросердечїе, благодѣтельность, соболѣзнованїе, чистосердечїе, послушанїе отцамъ и всѣмъ старшимъ, и глубокое почитанїе высочайшаго существа. Нещастная земля была храмъ добродѣтели, и уже по долгомъ времени порокъ отважился осквернить ея святость.

Много потребно было времени, прежде нежели натура могла совершенно отдохнуть, и ужасное зрѣлище своей погибели преобразить въ нынѣшнїй свой видъ. По сей причинѣ человѣческїй родъ остался столь долго въ дикомъ состоянїи, которое нынѣ кажется намъ столь странно. Но нравы и образъ жизни златаго вѣка были свойственны только первымъ временамъ, не посредственно по опустошенїи земли. Послѣ не могли

ли они сохраниться въ большихъ обществахъ, каковы нынѣшнія: понеже они съ роскошью богатаго и спокойнаго естества столь же мало согласовать могутъ, какъ и съ роскошью покоящихся богатыхъ народовъ. По мѣрѣ какъ жилище людей украшалось и доставляло изобиліе, — какъ семейства умножались и соединялись въ великія общества — необходимо владычество нравовъ должно было уступить владычеству поли-

ти-

тическому. И тогда явились слова *мое* и *твое*, не между особенными человѣками, а между семействами и обществами. Раздѣленїе имѣнїя было не избѣжно, и оно такъ же принадлежитъ къ той гармонїи, которая между вновь произшедшими народами должна была введена быть снова, такъ какъ она непримѣтно введена стала въ натурѣ, послѣ какъ оная отдохнула отъ потрясенїя, причиненнаго великою сею перемѣною.

§ 3.

§ 3.

О златомъ вѣкѣ.

Златый вѣкъ есть состоянїе, въ которомъ люди необходимо должны были нѣкогда находиться. Въ самомъ дѣлѣ было состоянїе, въ коемъ царствовала откровенность, милосердїе и святость — кратко сказать, жизнь, которая намъ сверхъ естественною кажется, и которая въ разсужденїи нравовъ, но не столько въ разсужденїи натуральнаго со-

состоянія, справедливо заслужила похвалы и сожалѣніе древнихъ. Сіи двѣ вещи не довольно различены были, и того ради столько наблюдателей погрѣшили въ разсужденіи златаго вѣка, и начертали намъ химерическія о немъ изображенія. Я долженъ еще здѣсь замѣтить, что, какъ законодатели хотѣли учинить нравы сего перваго вѣка болѣе общими и въ другихъ вѣкахъ, то доброе превратилось

въ

въ злое, и златый вѣкъ въ свинцовый. Въ натурѣ все связано между собою. Ежелибъ надлежало возобновить златый вѣкъ, то земля долженствовалабъ находиться въ томъ же состоянїи, въ которомъ она была во время онаго вѣка.

§ 4.

Отрывокъ изъ Плутарха, противъ перваго вкусившаго мясо.

(*) Всѣ дикїе люты, однакожъ нравы ихъ къ тому не побуждаютъ. Сїя

(*) Ж. Ж. Руссо.

лютость происходитъ отъ ихъ пищи. Они ходятъ на войну, какъ будто бы на охоту, и поступаютъ съ людьми какъ съ медвѣдями. Въ Англїи мясники, такъ же какъ и Хирурги, не принимаются въ свидѣтели.

Великїе злодѣи ожесточаются къ смертоубїйству чрезъ то, что пьютъ кровь. Гомеръ описываетъ Киклоповъ питавшихся мясомъ ужасными человѣками; рыбою же питавшихся столь любез-

безнымЪ народомЪ, что какЪ скоро кто сЪ ними обращался, то забывалЪ свое отечество, дабы жить между ими.

Ты спрашиваешь меня, говоритЪ ПлутархЪ, для чего ПиѳагорЪ не ѢлЪ звѢринаго мяса? Но я спрашиваю напротивЪ того, какую отважность долженЪ былЪ имѢть первый, приближившій ко рту своему плоть убитыхЪ звѢрей, раздроблявшій зубами своими кости умирающаго звѢря, поставившій на

 столЪ

столъ свой мертвыя тѣла, и погребавшїй въ своемъ желудкѣ члены, кои не задолго предъ тѣмъ блѣяли, мычали, бѣгали и во всѣ стороны оглядывались? Какъ могла рука его пронзить ножемъ сердце животнаго? Какъ могли глаза его зрѣть сїе смертоубїйство? Какъ могъ онъ пролить кровь бѣднаго беззащитнаго звѣря, содрать съ него кожу и раздѣлить его члены? Какъ могъ онъ снести видъ мяса, въ которомъ жизнь еще

еще видна была? Какъ непротивенъ былъ ему онаго запахъ? Какъ могъ онъ безъ противности и омерзѣнія очищать раны и омывать покрывающую ихъ черную сгустившуюся кровь?

Ихъ кожи ползали, мяса въ огнѣ мычали,
Сырое съ жаренымъ бычачій ревъ раждали,
Гомеръ.

Сіе долженъ онъ былъ вообразить себѣ, сіе долженъ онъ былъ почувствовать, когда преодолѣлъ себя вкусить отъ сей ужасной пищи — когда онъ въ

первой разъ взалкалъ животнаго, когда онъ пожелалъ насытиться отъ мяса звѣринаго и помышлялъ самъ въ себѣ, какимъ образомъ умертвить, разрубить и изжарить овцу, которая лизала у него руку. По справедливости должно дивиться начавшимъ питаться симъ ужаснымъ образомъ, а не тѣмъ, кои сїе отмѣнили. Первые могли еще оправдать свою лютость извиненїями, но сихъ извиненїй мы не имѣемъ, и сїе учиняетъ насъ во

сто разъ безчеловѣчнѣе предъ ними.

О вы любимцы боговъ! могли бы сказать намъ тѣ люди, сравните времена между собою, посмотрите сколь вы щастливы, и сколь мы были нещастны! Вновь образованная земля и парами отягченный воздухъ не имѣли еще порядка годовыхъ временъ. Непостоянное теченiе рѣкъ срывало во всѣхъ мѣстахъ брега ихъ. Пруды, озера, глубокiя болота, наводняли три части земной по-

верхности, а четвертая часть была покрыта бесплодными лѣсами. Земля не приносила годныхъ плодовъ. Мы не имѣли орудій къ ея обработыванію — не знали искуства употреблять ихъ, и ни кто не могъ жать, ибо ни кто не сѣялъ; чего ради мучилъ насъ голодъ беспрестанно. Зимнія произведенія, мохъ, и древесная корка, были нашею обыкновенною пищею — нѣкоторые молодые корни были для насъ лакомымъ кушаньемъ — и ко-

когда мы находили нѣсколько орѣховъ или жолудей, то прыгали отъ радости около дуба съ пѣніемъ нѣкоторыхъ сельскихъ пѣсенъ, и называли землю своею питательницею и своею матерью. Сіи были единыя наши торжества, единыя наши увеселенія. Вся прочая жизнь была не иное что, какъ печаль, забота и бѣдность.

И такъ когда земля всего лишена была и намъ ничего не предлагала, то мы принуждены были си-

лою напасть на природу, для сохраненія своей жизни. Того ради мы съѣдали соучастниковъ нашей бѣдности, чтобъ съ ними вмѣстѣ не погибнуть.—Но васъ кто принуждаетъ проливать кровь, безчеловѣчные люди! Коликое изобиліе васъ окружаетъ! Какое множество плодовъ приноситъ вамъ земля! Какія сокровища доставляютъ вамъ поля и виноградные сады! Сколько звѣрей предлагаютъ вамъ молоко свое для ваше-

шего пропитанія, шерсть свою для одежды вашей? Чего вы отъ нихъ требуете? И какое бѣшенство побуждаетъ васъ къ столь многимъ смертоубійствамъ, когда вы имѣете все въ изобиліи? Для чего клевещете вы на матерь нашу землю, обвиняя ее что она не можетъ прокормить васъ? Для чего погрѣшаете вы противъ Цереры, изобрѣтательницы священныхъ законовъ, и противъ благодѣтельнаго Бахуса, увеселителя

человѣковъ, какъ будто бы обильные дары ихъ недостаточны къ сохраненїю человѣческаго рода? Какъ дерзаете вы съ мягкими ихъ плодами на столахъ вашихъ смѣшивать крѣпкїя кости, и вкушать съ молокомъ кровь звѣрей, оное вамъ доставляющихъ? Львы и барсы, коихъ вы дикими звѣрями называете, слѣдуютъ натуральному своему побужденїю, поелику должны, и умерщвляютъ прочихъ звѣрей, чтобъ сохранить жизнь свою,

свою: но вы въ тысячу разъ ихъ лютѣе — вы поступаете противъ вашего природнаго побужденія безъ нужды, чтобъ ласкать вашему жестокому вкусу. Животныя, коихъ вы ѣдите, непитаются другими животными. Вы не ѣдите мясопитающихся животныхъ. — вы имъ подражаете. Вы алчете невинныхъ и спокойныхъ животныхъ, которыя ни кого не обижаютъ, которыя съ вами сообщаются, полезны вамъ, и коихъ

ихъ, въ награду заслугъ ихъ, вы снѣдаете.

О противоестественной убійца! Ежели ты столько жестокъ, что можешь утверждать, будто тебя натура опредѣлила поглощать прочихъ тварей, существа изъ плоти и костей сооруженныя, чувствующія, живыя творенія, какъ и ты: то заглуши омерзѣніе производимое въ тебѣ противъ ужасной пищи — умерщвляй самъ звѣрей — своими собственными руками

умерщвляй ихъ. Безъ орудія, безъ ножа, разрывай ихъ своими кохтями, подобно львамъ и медвѣдямъ; нападина вола и растерзай его на части—вонзи ногти свои въ его кожу, сожри агнца живаго—поглощай теплую еще плоть его—выпей душу его вмѣстѣ съ его кровію. Ты дрожишь—ты ужасаешся отъ того чувствія, которое плоть между твоими зубами въ тебѣ произвела бы, ежели бы кровь въ ней еще дымилась! Сожалѣнія достойный человѣкъ

вѣкъ! Ты сперва умерщвляешь звѣря, и потомъ съѣдаешь его, какъ будто бы ты хотѣлъ два раза его умертвить. Но сіе еще не все—мертвая плоть тебѣ еще противна. Внутренняя твоя не можетъ снести и ея, надлежитъ еще преобразить ее посредствомъ огня, варить, жарить, приправлять кореньями, долженствующими придать ей чужой видъ. Ты употребляешь еще поваровъ, избавляющихъ тебя отъ омерзѣнія противъ умерщ-

умерщвленнаго, и приправляющихъ тебѣ мертвыя тѣла, дабы вкусъ, обманутый сею перемѣною, не отвергнулъ столь страннаго ему ястія и вкушалъ съ удовольствіемъ трупы, на кои единое воззрѣніе было бы противно. (*)

(*) i. e. Пиѳагорейцы потому имѣли отвращеніе отъ ядения мясъ, поелику они вѣровали преселенію душъ человѣческихъ въ тѣла животныхъ. Но какъ сіе ихъ мнѣніе есть совсѣмъ не лѣпое: то и разсужденіе о не ядѣніи

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О неравенствѣ людей.

---

§ I.

О произхожденіи сего неравенства и проистекающихъ изъ того выгодахъ.

Натура учредила между людьми ту самую различность, которую мы въ прочихъ ея произведеніяхъ

ніи мясъ есть такъ же не основательно. Сверхъ сего самъ Богъ повелѣлъ человѣку употреблять животныхъ въ пищу.

нїяхъ усматриваемъ. Они весьма различны другъ отъ друга способностями тѣла и души, страстями, понятїями своими о благополучїи, и средствами къ достиженїю онаго ими употребляемыми. Сей есть источникъ неравенства между человѣками. Вмѣсто чтобъ сїе неравенство было вредно, способствуетъ оно напротивъ того весьма къ прїобрѣтенїю пропитанїя и къ спокойному сохраненїю общества— ежелибъ всѣ лю-

ди были совершенно равны между собою, то есть, имѣли бы равныя способности, равныя свѣдѣнїя,— естьлибъ чувственныя ихъ орудїя, или образъ ихъ чувствїй былъ одинъ и тотъ же самой,—то бы всѣ имѣли одинакїя страсти. Всегда будучи согласны въ своихъ разговорахъ и въ своихъ размышленїяхъ, (понеже они бы одинакимъ образомъ чувствовали и видѣли), они бы безпрестанно противились другъ другу въ своихъ дѣянї-

янїяхъ. Они бы занимались только истребленїемъ другъ друга, поелику все свое благополучїе поставляли бы въ одинакихъ предметахъ. Естьлибъ человѣческое общество состояло изъ однихъ соревнователей и непрїятелей, то бы оно хотя нѣсколько времени и продолжилось,—но вскорѣ бы разрушилось.

Кто желаетъ увѣриться въ сей истиннѣ, тотъ да разсмотритъ, что случается обыкновенно,ког-

да многїе имѣютъ весьма сильное стремленїе къ одному предмету. При равныхъ желанїяхъ раждается въ нихъ весьма сильное соревнованїе, и для полученїя онаго они бы одинъ другаго истребили. Когка два соревнующїе народа предполагаютъ себѣ одинакую цѣль, то возгарается между ими вражда, и война рѣшитъ ихъ распрю. Находящееся неравенство и различїе между человѣками бываетъ причиною, что они почти ни-

ни вЪ чемЪ не согласны, хотя они всѣ вообще имѣютЪ нѣкоторое сходство, и каждый стремится на свойственномЪ ему пути кЪ тому, что онЪ почитаетЪ полезнымЪ для своего блага. ОтЪ сего-то происходитЪ та дѣятельность, сЪ которою каждый старается скрыть, что онЪ не столько щастливЪ какЪ другіе, и рвется пріобрѣсти тѣ преимущества, кои онЪ вЪ другихЪ усматриваетЪ.

§ 2.

Между человѣками равенство никогда не имѣло мѣста.

Ежели нѣкоторые воображали себѣ, что между людьми сначала существовало равенство, то они были въ заблужденїи, которое мы намѣрены опровергнуть. Они всегда были между собою неравны. Мы не возвысимъ нашего голоса противъ неравенства, которое всегда было нужно. Способности тѣла, искусное оныхъ употребленїе, свойство чувственныхъ

ныхъ орудій, должны были ввести великое различіе, весьма примѣтное неравенство между людьми одного роду, одного общества, или также одного поколѣнія. Сіе неравенство было столькожъ ясно и въ способностяхъ души, а именно въ силѣ страстей, въ способности разсужденія, въ остроуміи и разумѣ.—Слабый тѣломъ или душею, долженъ былъ всегда признать преимущество сильнѣйшаго, дѣятельнѣйшаго, остроумнѣйша-

шаго. Трудолюбивый могъ обработать больше земли, нежели другой получившїй отъ природы слабѣйшее тѣло. И потому съ самаго начала было неравенство въ собственности и стяжанїяхъ.

§ 3.

О произхожденїи власти.

Хотя и были люди сильнѣе нѣкоторыхъ другихъ, но не было такихъ, которые бы всѣхъ прочихъ были сильнѣе. Кто былъ сильнѣе, отважнѣе, и опыт-

пытнѣе, тотъ необходимо получалъ преимущество предъ тѣмъ кто былъ слабѣе, боязливѣе, незнающѣе. Сїе преимущество было соразмѣрно степени, въ которомъ нужна была сила, бодрость, и свѣдѣнїе. Отъ сего произошла власть.—Она основана на самой себѣ, на способности дѣлать добро, защищать, руководствовать и сооружать щастїе. И потому власть основана на природѣ человѣческой, на неравенствѣ людей, на ихъ нужда-

дахъ, на желанiи, оныя удовольствовать, однимъ словомъ, на любви къ самому себѣ. Ясной разумъ находитъ средства къ своему содержанiю и къ удовольствованiю своихъ нуждъ, коихъ средствъ недостаетъ сильному, но не столь ясно зрящему. Коротко сказать, человѣкъ имѣющiй просвѣщенный разумъ знаетъ какъ чрезъ свои свѣдѣнiя и предпрiятiя замѣнить то, чего ему недостаетъ въ тѣлесныхъ силахъ. Опытъ, понятная

го-

голова и еще болѣе хитрость, торжествуютъ надъ самою силою.

Приложенія сихъ основаній довольно, для объясненія намъ нѣкоторыхъ правилъ въ поведеніи. Оно научаетъ насъ, чѣмъ мы въ первомъ изо всѣхъ обществъ одолжены любви достойной половинѣ человѣческаго рода, которую натура опредѣлила для способствованія къ щастію человѣка. Естьли женщина на то рождена, чтобъ нравиться, то конечно должность

ность мужа есть любить ее. Естьли натура отказала женскому полу въ силахъ, то напротивъ того наградила оный прелестьми, и лишенный тѣлесныхъ силъ вмѣсто того одаренъ оный прелестями, могущими поработить силу и сдѣлаться награжденіемъ нѣжности и защиты, которую мужъ оному оказывать долженъ. Соединеніе двухъ половъ производитъ на свѣтъ слабыхъ и безпомощныхъ дѣтей, которые родителямъ своимъ

имѣ замѣнять вѣ ихѣ старости нѣжное то попеченїе, которое сїи о нихѣ имѣли вѣ юности.

§ 4.

О должности взаимнаго другѣ другу вспомоществованїя.

Вѣ обществѣ находится безпрестанная мѣна. Неравенство, природою между людьми введенное, не есть для нихѣ источникѣ зла, но дѣйствительнымѣ основанїемѣ ихѣ блаженства. Чрезѣ то они принуждены бываютѣ одинѣ кѣ другому имѣть при-

прибѣжище и себѣ такимъ образомъ помогать. Каждый членъ общества обязаннымъ себя почитаетъ, своими способностями замѣнять то, что ему другіе доставляютъ. Такимъ образомъ неравенство силъ и свѣдѣнія обязываетъ людей къ употребленію того для общаго блага, чѣмъ природа каждаго особенно одарила. Кто тѣломъ слабъ, но духомъ твердъ, тотъ будетъ предводительствовать сильнымъ и покажетъ ему средства

къ выгодному употребленію своихъ способностей для его благополучія.

Изъ сего видно, что главное правило каждаго общества состоитъ въ томъ, чтобъ налагать должность на каждаго изъ членовъ онаго, спомоществовать другъ другу. Оно повелѣваетъ имъ вкушать самимъ добро— предписываетъ имъ быть для другихъ полезными— требуетъ, дабы ихъ совершенное щастіе не въ иномъ чемъ

состояло, какъ въ награжденіи за ихъ стараніе о благѣ прочихъ человѣковъ. Доказываетъ, что существа имѣютъ одинакія нужды, хотя они не равны въ силахъ и свѣдѣніяхъ. Даетъ имъ знать, что они имѣютъ равныя права на пріятную жизнь. Короче сказать, все показываетъ намъ, что щастіе есть предметъ ихъ желанія, а нещастіе предметъ ихъ ненависти. Сіи суть правила каждаго общества.

Раз-

разсужденіе, опытъ, разумъ, примѣняютъ ихъ къ особеннымъ обстоятельствамъ различныхъ обществъ и ихъ членовъ.

Каковы бы ни были заблужденія человѣческія, нелѣпость въ ихъ мнѣніяхъ, повреждение въ ихъ нравахъ, ослѣпленіе въ ихъ предразсудкахъ, но всегда разумъ имъ покажетъ, что они имѣютъ между собою обязательства, что между тварями одного рода, которыя соединены выгодами

ми и нуждою, обязательства должны быть взаимныя. Чего ради каждой не только будетъ чувствовать, что его сердце возстаетъ противъ вредныхъ людей, но каждый станетъ дѣлать себѣ упреки, когда онъ поступитъ противно цѣли общества. Доколѣ люди будутъ имѣть чувствїе, доколѣ станутъ любить свое благосостоянїе и отвращаться отъ зла, дотолѣ и любовь, почтенїе и благодарность будетъ

детъ награжденїемъ добродѣтели, а ненависть, презрѣнїе, стыдъ и наказанїе преслѣдовать будутъ порокъ и преступленїе. Сильнѣйшїй будетъ себя чувствовать побуждаемымъ защищать слабаго— богатый подкрѣплять убогаго — просвѣщенный научать простаго—разумный тому, кто чрезъ свои страсти заблудился, помогать своими свѣдѣнїями. Отъ справедливаго раздѣленїя

сей помощи будетъ зависѣть благо общества.

Естьлибъ люди добро и зло натурою между ими раздѣленное вѣрно вмѣстѣ соединяли; естьлибъ каждый оказывалъ помощь другимъ людямъ по возможности; естьлибъонъ самъ пользовался своими преимуществами и тѣмъ бы дѣлалъ оныя полезными для другихъ, то были бы они столько щастливы, столько между собою равны, сколькобъ могли. Но по природной склон-

склонности каждый занимается больше собственнымъ своимъ щастïемъ, нежели другаго; всѣми силами старается онъ учинить себя благополучнымъ. Самолюбïе, корыстолюбïе, и страсти, суть единыя пружины его дѣянïй. Собственная его польза есть единая цѣль его дѣятельности. Таково есть первое побужденïе, которое даетъ намъ природа. Но натура вперила оное одинакимъ образомъ во всѣхъ

твореніяхъ нашего роду. Есть нѣкоторое слѣдствіе сего побужденія, что мы живемъ въ обществѣ. Каждый изъ насъ усматриваетъ, что имѣетъ нужду въ помощи, для достиженія желаемаго имъ благополучія. Онъ старается о томъ, чтобъ другія споспѣшествовали къ цѣли имъ предполагаемой. Когда страсть его беспокоитъ, когда Энтузіазмъ приводитъ его внѣ себя, когда воображеніе его прельщаетъ— то за-

забываетЪ онЪ, что его сочеловѣки имѣютЪ равныя сЪ нимЪ преимущества и желанія—онЪ позабываетЪ, что не заслуживаетЪ ихЪ доброжелательства, паче же справедливую ненависть навлекаетЪ отЪ нихЪ на себя, когда онЪ имЪ вредить старается.

Будучи слѣпЪ вЪ своихЪ предпріятіяхЪ, хочетЪ онЪ силою или хитростію достигнуть особливой своей цѣли. СЪ жаромЪ и безЪ выбору беретЪ онЪ

средства къ полученію желаннаго имъ предмета, которой часто не иное что есть, какъ тѣнь, и его разумъ бы оной отвергнулъ, естьлибъ былъ въ спокойномъ состояніи и могъ управлять его волею. Онъ видитъ единый только предметъ свой — и послѣдуетъ въ своемъ заблужденіи единому своему слѣпому побужденію, мало о томъ заботясь, не на тѣхъ ли щетъ сіе производится, коихъ помощь ему нуж-

нужна, и коихъ привязанность ему могла бы быть полезна—и онъ усмотрѣть не можетъ, что отъ ихъ непрїязни произойдутъ для него печальныя дѣйствїя. Добродѣтельный и порочный управляется равнымъ образомъ отъ самолюбїя. Первый будучи просвѣщенъ усматриваетъ разумомъ, что онъ благополучїю другаго споспѣшествовать долженъ, и не дѣлать оному препятствїя, естьли самъ подлинно

но щастливымъ быть желаетъ. Послѣднїй напротивъ того не способенъ будучи разумно мыслить ласкаетъ себя: что можетъ едиными своими силами снискать свое благополучїе, и въ такомъ мнѣнїи надѣется быть щастливымъ, хотя другїе нещастливы.

ГЛА-

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О вольности.

§ 1.

О вольности у Грековъ и Римлянъ.

Хотя древнїе весьма ревновали къ вольности, однакожъ весьма не опредѣленныя оставили намъ объ оной понятїя. У нихъ была вольность, подобно какъ и нынѣ пустое слово, не извѣстное божество, которое они обожали не имѣя точнаго о немъ позна-

нанїя. У Афинянъ была вольность неиное что, какъ необузданность суетнаго, легкомысленнаго и несправедливаго народа, которой думалъ, что поступаетъ вольно, когда производитъ въ дѣйство гнуснѣйшїя и во всемъ противныя пользѣ своей преступленїя. Въ чемъ можетъ состоять вольность народа наказывавшаго заслугу и добродѣтель ссылкою и ядомъ, и гнавшаго Аристидовъ, Со-

Сократовъ, и Фокїоновъ, съ слѣпою яростїю.

Римляне тогда почитали себя вольными, когда не имѣли больше у себя Тарквинїевъ. Обольщенные однимъ словомъ, во всѣ время республики были безпокойные и возмутительные невольники, и допустили себя водить честолюбивымъ Трибунамъ, которые не престаннно— и часто по справедливости— возмущали ихъ противъ Сенаторовъ и Патрицїевъ

цїевъ, зговорившихся противъ Римскихъ законовъ, дабы угнѣтать народъ податями и производить надъ онымъ жестокое тиранство — наскучивши симъ игомъ пришли они въ слабость чрезъ послѣдствїе несогласїй, чрезъ междо усобныя войны и кровожаждущїя изгнанїя, и — сїи гордые Римляне поверглись подъ иго Диктатора, оставившаго ихъ какъ собственное наслѣдство гнуснымъ Цесарямъ, при кото-

торыхъ сіи враги царскаго достоинства здѣлались невольниками, которые довольны были тѣмъ, что имѣли только *хлѣбъ* и *потѣхи*, и въ сердцахъ коихъ чувствіе вольности не могло уже возобновиться.

Представляютъ намъ Помпеевъ, Катоновъ, Цицероновъ и Брутовъ защитниками и мучениками Римской вольности. Но естьли подробнѣе разсмотрѣть обстоятельства, то найдется, что они въ

самомъ дѣлѣ были защитниками и жертвою несправедливыхъ требованій тиранническаго Сената, отъ коихъ любочестивый Кесарь хотѣлъ освободить своихъ согражданъ, и подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы свергнуть иго угнѣтающей Аристократіи съ своего отечества, напослѣдокъ отягчилъ оное своими собственными оковами. Такимъ образомъ самой вольной народъ здѣлался произвольно невольникомъ хитра-

траго и отважнаго сограж-
данина, который склонивъ
его щедростїю, потѣхами,
и славными дѣлами на свою
сторону, умѣлъ воспользоваться прекраснымъ именемъ вольности искуснымъ образомъ, чтобъ оный
народъ навсегда содержать
въ оковахъ.

§ 2.

Понятїе о истинной вольности.

Вольность не состоитъ, какъ нѣко-

торые думаютъ, въ мнимомъ равенствѣ между гражданами — въ сей, во всѣхъ Демократическихъ областяхъ обожаемой, но съ нашею природою совсѣмъ не совмѣстной Химерѣ. Ибо натура дѣлаетъ уже насъ во всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ силахъ неравными. Сіе равенство было бы сверхъ того несправедливо, и потому уже не согласно съ благоденствіемъ общества, которое требуетъ, чтобы

по-

полезнѣйшіе къ публичнымъ дѣламъ граждане наибольше были почитаемы и награждаемы; не будучи однакожъ изключены изъ общаго закона, предписывающаго всѣмъ одинакія правила. —Истинная вольность состоитъ въ томъ, чтобъ жить согласно съ законами, помогающими природному неравенству людей, и защищающими равномѣрно богатыхъ и убогихъ, высокихъ и низкихъ. Изъ сего явствуетъ,

что вольность всѢмЪ членамЪ общества равно полезна—какой бы ни былЪ образЪ правленія — вольность вездѢ тамЪ находится, гдѢ никому не позволено быть своевольнымЪ и жить беззаконно. ЗаконЪ не уничтожаетЪ вольности — напротивЪ того онЪ ее укрѢпляетЪ. ОнЪ назначенЪ кЪ тому, чтобЪ всѢмЪ тѢмЪ учинить преграду, каторые нарушаютЪ вольность другихЪ или ихЪ безпокоятЪ вЪ ихЪ собствен-

ственности. Вольность никому не даетъ права противиться общей власти или не повиноваться ея учрежденiямъ — кратко сказать, вольнымъ быть, значитъ, повиноваться законамъ, и подъ ихъ спасительною защитою, коей не льзя отвергнуть, жить спокойно.

Гражданинъ не употребляетъ своей вольности тогда, когда онъ противится законной власти. Въ семъ случаѣ можно почитать его безумнымъ,

нымъ , разрушающимъ стѣны долженствующія защищать его. *Каждый гражданинъ*, говоритъ *Локкъ*, *разрушающій справедливый образъ правленія, дѣлаетъ себя виною крови и нещастія ссоихъ сограждан*ъ. Страсти долженъ либо разумъ либо страхъ содержать въ надлежащихъ предѣлахъ. Человѣкъ небоящійся ничего въ свѣтѣ или не внимающій мудрости, есть не обходительное и весьма опасное твореніе.

§ 3.

§ 3.

Вольность раждаетъ любовь къ отечеству.

(*) Не можно судить о благополучїи народномъ по его пространнымъ границамъ, по его многочисленнымъ войскамъ, по знатности его побѣдъ, по роскоши его городовъ, по великолѣпїю его двора, или по гордымъ памятникамъ его государей; а должно судить о томъ по его трудолюбїю и просвѣщенїю. Но безопасность, удобность, мужество, и дѣятель-

(*) Politique naturelle.

тельность, отъ коихъ происходятъ оныя преимущества, находятся только у такого народа, который въ показанномъ смыслѣ называться можетъ вольнымъ. Гражданинъ спокойно владѣя своимъ имѣнїемъ, идетъ съ ревностїю на свою работу, дабы плодоноснымъ учинить поле, котораго никакая несправедливость не можетъ у него похитить. Естьли многочисленное семейство умножитъ его нужды, то онъ,

такъ

такъ сказать, принудитъ землю приносить ему богатѣйшую жатву; онъ не опечалится отъ того, но паче обрадуется, что видитъ умножающимся его потомство, которое умѣренная, но между многими людьми раздѣленная работа, учинитъ столько же щастливымъ, какъ его. Съ удовольствіемъ платитъ онъ тѣ подати, которыя онъ къ правленію отечества его защищающаго почитаетъ за нужныя. Онъ лю-

любитъ свое отечество, поелику въ ономъ живетъ благополучно. Онъ любитъ своихъ начальниковъ, поелику видитъ ихъ занимающихся его благомъ, любовь его къ нимъ основывается на любви къ себѣ, и потому не есть склонность безъ побужденїя. Онъ признаетъ отечество потому, что видитъ страну, въ коей граждане наслаждаются благоденствїемъ и тишиною—ежели нападутъ на оное не

спра-

справедливые непрїятели; естьли оно будетъ угрожаемо высокомѣрными завоевателями; естьли захотятъ у онаго похитить преимущества, коими оно пользуется— то Энтузїазмъ мгновенно оживляетъ сердце гражданина; онъ укрѣпляетъ силы отечества; онъ знаетъ, что непрїятели отечества суть такъ же и его непрїятели; ему очень извѣстно, что защищенїемъ отечества онъ себя защищаетъ,

и

и что удаляетъ нашествїе отъ собственнаго своего дому, когда употребляетъ всѣ свои силы къ отдаленїю онаго отъ предѣловъ своего отечества.

КОНЕЦЪ.

